

СОДЕРЖАНИЕ

Праведник	3
Сплетня	8
Люди четырех измерений	15
Жертва цивилизации	19
Бойкий разговор	23
В ресторане	28
Дурак	31
Измена	37
Друг	41
Коса на камень	46
Оскорбление действием	52
Солидное предприятие	56
Специалист	63
Славный ребенок	69
Двойник	75
Тайна	81
Загадка природы	87
Дружба	94
Красивая женщина	100
Поездка в театр	106
Настоящие парни	111
Воздухоплавательная неделя в Коркине	128
Пинхус Розенберг	134
Наследственность	138
Тихое помешательство	142
Нервы	154
Большое сердце	160
Еропегов	166
Вечером	173
Душевная драма	177
Широкая Масленица	182

День госпожи Спандиковой	186
Страшный человек	191
Камень на шею	207
Дурная наследственность	214
Дачный театр	219
Два мира	227
Приключение номера 24345	234
Кривые углы	240
Граф Калиостро	248
Ихневмоны	256
Альбом	263
Два преступления господина Волягина	272
Шутка	275
В зеленой комнате	282
Исчадие города	289
Анекдоты из жизни великих людей	296
Одинокый Гржимба	304
Чудеса	313
Первый дебют	324
Труха	330
«Аполлон»	338
Проклятие	343
Служитель муз	349
Лекарство	353
Визитер	362
Свой крест...	372
Принцип	377
Функельман и сын	385
Законный брак	392
Мопассан	393
Американец	401
Драма в семье Бырдиных	407
Русские символы	414
Индейка с каштанами	417
Как добыть себе в Праге комнату	425
Бриллиант в три карата	427
Вечно-женское	432
Высшая справедливость	439

ходит на кухню, не муж ведь, чай, а? А ведь это грех... Уймись ты, — говорю, — Афимья, брось солдата, живи по-хорошему!» Так что же вы думали? Возьми она да расскажи это своему хахалу... Встречает он меня в переулке, к вечерне я шел, и шепчет: «Ты, — говорит, — барин, тово... Афимье не пой! А то я те, — говорит, — такое пение пропишу, что как по нотам...» Да кулачищем на меня...

— Известно, необразованность... — вздыхает хозяин.

— Какое! А выше-то лучше? — машет рукой оратор. — Один грех... Дело тоже такое вышло на днях. Сидим мы у Перепойкина, консistorского, пьем чай. Был и Турухтанов, знаете, что опекуном над карпычевскими сиротами назначили. Уж не знаю, как он их там опекает; а только, думаю себе, дело-то такое... соблазнительное. До греха рукой подать. А ежели что, то сирот жалко. Ежели, то есть, не по правде... И говорю я ему при всех, чтобы чувствительнее было и чтобы понял он, что я по правде. «Вот, — говорю, — Поликарп Семенович, упредить тебя я хочу. Оно, конечно, ты, может, и честный человек... только не делай ты этого и сироток пожалей... Жалко ведь. Махонькие оне». И так это я хорошо сказал, что сам прослезился. А он, понимаете, вскакивает да на меня. «Это, — говорит, — что за намеки глупые!» — «И никаких намеков, — скромно я ему отвечаю, — нет; а плоть слаба, опять же махонькие оне... А ежели ты, — говорю, — пылишь и дымишь с первого слова, так это что-то подозрительно... Нет дыму без огня!» Не успел я этого, представьте, сказать, как он меня ручищей за воротник да об пол!.. Это за мою-то правильность! Тут шум, конечно, все повскачили; а я поднялся с полу, отряхнулся, взял шапку и говорю с христианским смирением: «Бог тебя простит,

Поликарп Семенович, только вижу я теперь, что подлец ты первостатейный, и сироток-то уж, без сомнения, обидишь, коли меня обидел...» Теперь, слышь, в суд на меня подает за оскорбление словами... А какое тут оскорбление? Одно назидание!..

В каморке наступает мертвая тишина.

Слушатель долго, с благоговением, смотрит на гостя и наконец полуукоризненно произносит:

— И охота вам, Фома Еремеич, в чужие дела мешаться... Пользы никакой для вас, все больше неприятности!..

Фома Еремеич сокрушенно ударяет себя по колену и шепчет:

— Не могу, брат, хоть ты что!.. Правду эту самую уж больно люблю. Ох, смерть моя! Где вижу несправедливость, на стену лезу!..

Он угрюмо молчит, но вдруг лицо его озаряется каким-то новым воспоминанием:

— А вы думаете, меня не били? Били-с! — язвительно шепчет он, наклоняясь к слушателю и пронизывая его во тьме своими слезящимися глазками.

У того на лице появляется выражение ужаса, и он инстинктивно защищается рукой, как будто от чего-то страшного.

— Били-с! Это уж купцы такие. Вдовица одна, которая бедная, покупает у него фунт сахара, можно сказать, на последнюю лепту. А он, представьте, ей чуть не полфунта бумаги оберточной на сахар наворотил. Ну на что вдове бумага, посудите сами? Я не вытерпел и говорю: «Бога ты не боишься, Сиволдаев, — зачем вдову обижать? Мало, что обвесил, наверное, да еще и бумагу...» Горько!

Рассказчик замолчал...

— Ну?!

— Били меня приказчики в те поры сильно... Мне говорили: «Поддай на него!» А зачем? Я только для справедливости, чтоб по правде...

По лицу слушателя видно, что он страдает еще больше, чем страдал его собеседник во время избияния приказчиками. Благоговение, жалость, гнев на не понимающих праведника людей — быстро сменяются на лице его. Наконец он вскакивает, делает четыре шага вперед, потом поворачивается, как на оси, и шагает назад. Для чувств, которые его обуревают, мало комнаты длиной в четыре шага.

А Фома Еремеич уже рассказывает о каком-то капитане, который самовольно заложил золотые часы Фомы Еремеича, заставив его же и проценты платить.

Эти проценты — последняя капля в чаше невыносимо-удрученного состояния хозяина каморки.

Он, с нервно искаженным лицом, хватает рассказчика за плечи и поворачивает его лицо к лунному свету.

— Да вы что, — истерически взвизгивает он, — блажной, что ли, или в раю живете? Зачем же, зачем вы все это делаете? Разве эти купчишки да капитаны поймут?! Не поймут они! Господи! А вы — смотрите! Вы даже не возмущаетесь...

Фома Еремеич устремляет неподвижные глаза на взволнованное лицо хозяина и тоскливо шепчет:

— А правда-то! Велика правда! И не терплю я несправедливости, каковой много на свете!..

И потом через минуту добавляет:

— Каковой о-очень много на свете...

Наступает долгое молчание. Слышны мягкие шаги хозяина и хриплое дыхание катарального горла Фомы Еремеича. В окно смотрит любопытная луна, вероятно, досадуя, что слой пыли мешает ей видеть

происходящее. Гость машинально водит головой за шагающим хозяином и жует губами, очевидно, желая, но не решаясь что-то сказать.

Наконец он прерывает молчание.

— От дочки-то... от Верочки, говорю, известий не имеете?

— Ах, не напоминайте мне про нее! — досадливо машет рукой хозяин, и по его лицу пробегает мимолетная судорога боли. — Счастья захотела, отца не спросила, ну и что ж!.. Полюбуйтесь! Какое счастье... С офицером-то оно лучше, чем с отцом!.. Э-эх!

Он прислоняет лоб к окну и глядит прямо в желтое, нахальное лицо луны.

Глядит долго-долго... И до Фомы Еремеича доносится хриплый голос:

— Проклял я ее, вот что...

Гость неодобрительно качает головой.

— Проклял! Сами бы вы на себя посмотрели, а потом и проклинали... дочку-то! Что греха таить, не сладко ей было у вас. Сами вы... и денег куча, а живете в какой-то собачьей будке; она же девица молодая, ей жить хочется, ну театры там, конфекты и все такое... А какие у вас конфекты? Ничего такого нет у вас! И живете вы бобылем сейчас, и никто вам глаз не закроет, ежели что...

Хозяин сначала удивленно прислушивается к словам Фомы Еремеича, но потом вдруг бледнеет от злости и начинает кричать, заломивши руки:

— Позвольте! Что же это такое? Как это вы мне?.. Да это вас не касается! Мои семейные отношения, они мои и есть; а вы... вы зачем же мешаетесь? И такие слова...

— Нет-с, вы позвольте! — вскакивает с места Фома Еремеич.

Его нельзя узнать. Он преобразился... Глаза у него уже не мутные, а грозные, сверкающие. Он делается выше ростом, и указательный палец его твердо и значительно устремляется на хозяина. Как боевой конь при звуке трубы, он выпрямляется при одном намеке на когда-то и кем-то совершенную несправедливость.

— Вы мне позвольте! Я долго молчал, полагал, может, одумаетесь; ан, оно вот что... Проклял! Это по правде, а? А тебя бы, старого дурака, проклясть, — ты бы что запел? Она девица молодая, ей кон... фекты...

Дальше он начинает хрипеть, потому что рука хозяина схватывает его за ворот.

— А, так ты меня же... и упрекаешь! Я, может, страдал, как в аду, два года; а ты... конфекты! Я тебе дам конфекты... Не смей! Уходи, пока я не расшатался! Плохо будет... И не смей никогда ко мне ходить с такими словами... Уходи!

Через минуту Фома Еремеич, еще более похудевший и печальный, шагает по улице. Во впадинах под глазами сверкает по слезинке и губы дрожат от недавней обиды.

Он бросает взгляд на залитую холодным лунным светом улицу, на прозрачное звездное небо и шепчет сокрушенно:

— Такой широкий мир, и так мало правды... Гм... Даже странно!

СПЛЕТНЯ

Контролер чайно-рассыпочно-го отделения Федор Иванович Аквинский шел в купальню, находящуюся в двух верстах от нанимаемой им собачьей будки,

которую только разгоряченная фантазия владельца могла считать «дачей»...

Войдя в купальню, Аквинский быстро разделся и, вздрагивая от мягкого утреннего холодка, осторожно спустился по ветхой, шаткой лесенке к воде. Солнце светлое, только что омытое предрассветной росой, бросало слабые, теплые блики на тихую, как зеркало, воду.

Какая-то не совсем проснувшаяся мошка, очертя голову, взлетела над самой водой и, едва коснувшись ее крылом, вызвала медленные, ленивые круги, тихо расплывшиеся по поверхности.

Аквинский попробовал голый ногой температуру воды и отдернул, будто обжегшись. Купался он каждый день и каждый же день по полчаса собирался с духом, не решаясь броситься в холодную, прозрачную влагу...

И только что он затаил дыхание и вытянул руки, чтобы нелепо, по-лягушачьи прыгнуть, как в стороне женской купальни послышались всплески воды и чья-то возня.

Аквинский остановился и посмотрел налево.

Из-за серой, позеленевшей внизу от воды перегородки показалась сначала женская рука, потом голова и, наконец, выплыла полная рослая блондинка в голубом купальном костюме. Ее красивое белое лицо от холода порозовело, и когда она сильно, по-мужски, взмахивала рукой, то из воды отчетливо показывалась высокая пышная грудь, чуть прикрытая голубой материей.

Аквинский, смотря на нее, почему-то вздохнул, потрепал голый рукой съеденную молью бородку и сказал сам себе:

— Это жена нашего члена таможи купается. Ишь ты, какой костюм! Читал я, что за границей, в какой-то там Ривьере, и женщины, и мужчины купаются вместе... Ну и штука!

Когда он, выкупавшись, натягивал на тощие ноги панталоны, то подумал:

«Ну хорошо... скажем, купаются вместе... а раздеваться как же? Значит, все-таки, как ни вертись, нужно два помещения. Выдумают тоже!»

Придя на службу в таможду, он, после обычной возни в пакгаузе, сел на ящик из-под чаю и, спросив у коллеги Ниткина папиросу, с наслаждением затянулся скверным дешевым дымом...

— Купался я сегодня, Ниткин, утром и смотрю — из женской купальни наша членша Тарасиха выплывает... Ну думаю, увидит меня да мужу скажет... Смех! Уж очень близко было. А вот за границей, в Ривьере, говорят, мужчины и бабы вместе купаются... Гы!.. Туда-то бы поехать!

Когда, через полчаса после этого разговора, Ниткин пил в архиве с канцеляристами водку, то, накладывая на ломоть хлеба кусок ветчины, сказал, ни к кому не обращаясь:

— Вот-то штука! Аквинский сегодня с женой нашего члена Тарасова в реке купался... Говорит, что в какой-то там Ривьере все вместе — и мужчины, и женщины купаются. Говорит — поеду в Ривьеру. Поедешь, как же... На это деньги надо, голубчик!

— Отчего же! — вмешался пакгаузный Нибелунгов. — У него тетка, говорят, богатая, может у тетки взять...

Послышались шаги секретаря, и вся закусывающая компания, как мыши, разбежалась в разные стороны.

А за обедом экспедитор Портупеев, наливая борщ в тарелку, говорил жене, маленькой, сухонькой женщине с колючими глазками и синими жилистыми руками:

— Вот дела-то какие, Петровна, у нас в таможде!.. Аквинский, чтоб ему пусто было, собрался к черту на кулички в Ривьеру ехать и Тарасова жену с собой смайл... Деньги у тетки берет! А Тарасиха с ним вместе сегодня купалась и рассказывала ему, что за границей так принято... Хе-хе!

— Ах, бесстыдники! — застенчиво потупилась Петровна. — Ну и езжали бы себе подальше, а то — на-ко, здесь разврат заводит! Только куда ему с ней... Она баба здоровая, а он так — тьфу!

На другой день, когда горничная Тарасовых, живших недалеко от Портупеевых, пришла к Петровне просить по-соседски уюги для барыниных юбок, душа госпожи Портупеевой не выдержала:

— Это что же, для Ривьеры глаженные юбки понадобились?

— Ах, что вы! Слова такие!.. — усмехнулась, стрельнув глазами, горничная, истолковавшая фразу Петровны совершенно неведомым образом.

— Ну да! Небось тебе-то да не знать...

Она скорбно помолчала.

— Эхма, дурость бабья наша... И чего нашла она в нем?

Горничная, все-таки не понимавшая, в чем дело, вытаращила глаза.

— Да ваша Марья Григорьевна — хороша, нечего сказать!.. С пакгаузной крысой Аквинским снюхалась! Хорош любовничек! Да-с. Сговорились в какую-то дурацкую Ривьеру на купанье бежать,